

A photograph of a city street, likely in New York City, featuring multi-story brick buildings with many windows. A crosswalk is visible in the foreground, and a cloudy sky is in the background. The text is overlaid on the image.

Пётр Фарфудинов

**Сборник
криминальных
рассказов. Нулевой
пациент и Чужие
дети**

Пётр Фарфудинов

**Сборник криминальных рассказов.
Нулевой пациент и Чужие дети**

«Автор»

2026

Фарфудинов П.

Сборник криминальных рассказов. Нулевой пациент и Чужие дети
/ П. Фарфудинов — «Автор», 2026

На углу Ленинского проспекта, между уютной пельменной и круглосуточной аптекой, раскинулось человеческое пятно. Это — студент третьего курса, ещё вчера делавший проект о прочности мостов, а сегодня превратившийся в гниющую заживо плоть, беспомощную игрушку химического ада. Его история — не о тёмных подвалах, а о самом освещённом проспекте города. Не о заклятых врагах, а о соседней аптеке, дружеском плече дилера и одном неверном выборе. Это жёсткая, беспощадная хроника падения в бездну, где «попробовать один раз» означает поставить крест на будущем, чести и самой жизни. Книга — мощное предупреждение, написанное кровью и гноем, крик о том, что зависимость начинается не там, где темно, а там, где слишком ярко горят огни большого города и слишком легко достать очередную дозу безумия.

© Фарфудинов П., 2026

© Автор, 2026

Пётр Фарфудинов

Сборник криминальных рассказов.

Нулевой пациент и Чужие дети

Сборник криминальных рассказов. Нулевой пациент и Чужие дети

Сирена скорой помощи была не криком о помощи, а похоронным маршем. Машина, мелькая мимо потухших витрин, неслась в Яму – так называли в городе Карауле цыганское поселение на задворках старой промзоны. Зброшенные цеха стали стеной, внутри которой царствовал свой закон. Закон цыганского барона Арсения.

Врачи, уже на подъезде зная адрес, переглядывались с немой ненавистью. Их работа здесь была сизифовым трудом. Они знали, что в одном из кабинетов в здании горздрава лежит толстое досье на Арсения, и знали, что это досье никогда не станет уголовным делом. Слишком многие из «органов» имели здесь свой интерес – от участкового, получавшего пачки грязных купюр каждый четверг, до высоких чинов, чьи иномарки на дипломатах иногда видели у задних ворот Ямы.

То, что они увидели в подвале обшарпанной пятиэтажки, было не из самых страшных картин, но именно от этой – пахнувшей смертью в самом её физическом, разлагающемся облике – сжались желудки даже у бывалых.

Первый парень, лет девятнадцати, уже был холоден. Лицо сизое, вены на сгибах рук – вспухшие и черные от инъекций. Пустой шприц валялся рядом. Классическая передозировка. Но его друг, Денис, был ещё жив. Вернее, в нём ещё теплилась какая-то биохимическая жизнь, потому что человеческого в этом комке страданий уже не было. Он лежал, скрючившись, и тихо стонал. Его руки, от кистей до самых локтей, были не руками, а сплошной гниющей язвой. Кожа облезла, обнажая мясо, кишашее инфекцией. Жёлто-зелёный гной сочился из абсцессов, и тошнотворно-сладковатый запах разложившейся плоти стоял в сыром воздухе подвала, пропитывая одежду. Это был запах гангрены, сепсиса, конца.

Фельдшер Николай, натягивая две пары перчаток, брезгливо скривился, но руки его работали быстро и чётко. Они лили на эти страшные раны фурацилин, вычищали карманы гноя, но это была борьба с симптомами. Система уже проиграна. Инфекция попала в кровь. Сепсис. Спасти можно было только чудом, и чудеса в Яме не водились.

– Зачем, сынок? – тихо, уже не ожидая ответа, пробормотал Николай, промывая очередную зияющую дыру в теле Дениса.

– Один раз... – прошептал тот, и в его глазах, мутных от боли и жара, мелькнуло что-то вроде осознания. – Все кололись... Показался слабаком... Один раз всего... Шприц был общий...

Профилактика: Вот она, цена «одного раза». Наркотик – лишь начало. Грязный, использованный десятками людей шприц – вот настоящий убийца. В нём может жить не только гнойная инфекция, превращающая твои руки в гниющие пни. В нём живёт **ВИЧ**. Вирус иммунодефицита человека. Один укол – и он уже в тебе. Навсегда. Он будет тихо, годами, разрушать твою защиту. А потом, когда иммунитет рухнет, любая простуда станет пневмонией, любая царапина – гангреной. И ты умрёшь так же, как Денис, только мучительнее и дольше. От «оппортунистических инфекций», как говорят врачи. А по-простому – от того, от чего обычные люди не умирают. СПИД – это не миф, это диагноз, который ставят в том числе и парням из Караула, которые попробовали «всего один раз».

История вторая: «Цепная реакция»

Это была не Яма, но суть та же. Студенческое общежитие в одной небольшой республике, которую назовём Аланией. Здесь милицейский беспредел был нормой. Начальник районного отдела, майор Тамерлан Ц., считал район вокруг общаги своей вотчиной. Его люди не боролись с наркоторговлей, они её **регулировали**. За определённый процент от оборота. А процент брали не только деньгами. Иногда – продукцией.

В ту ночь в «скорую» поступил вызов – «судороги, пена изо рта». Приехали. В комнате – три студента. Один уже в коме, двое других, испуганных и потных, метались вокруг. Те же язвы на руках. Та же вонь. Тот же ужас в глазах. Пока врачи пытались реанимировать умирающего, один из «друзей», рыдая, рассказал историю.

Наркотик принёс старшекурсник, сын чиновника. Он был «неприкосновенным». Укололись втроём, для «братства», одним шприцем, разбавленным какой-то дрянью из аптеки. Шприц был куплен у барыги, который платил майору Ц. Месяц спустя у всех троих поднялась температура, появились странные язвочки во рту. Пошли сдавать кровь. Анонимно. Результат пришёл один на всех: **ВИЧ+**.

Профилактика: «Один раз» – это не только про тебя. Это про всех, с кем ты потом будешь делиться шприцем, целоваться, вступать в интимную связь. Одна инъекция – и ты становишься звеном в смертоносной цепи. Ты можешь заразить свою девушку, своего лучшего друга, своих будущих детей. ВИЧ передаётся через кровь. И в момент, когда ты делишься иглой, ты делишься не только кайфом. Ты делишься смертельным вирусом. В той республике после этого случая была целая эпидемия среди студентов. Сотни заражённых. Все начали с «одного раза». И закончили – пожизненной терапией, социальной смертью и страхом завтрашнего дня.

История третья: «Цыганский барон и его долги»

Арсений, тот самый барон, был не глуп. Он сам никогда не кололся. Это для быдла, для этих опустившихся русских да своих же обнищавших сородичей. Он считал себя бизнесменом. Но бизнес его держался на страхе. И на коррупции. Он платил всем: милиции, чтобы не мешали; санитарным врачам, чтобы закрывали глаза на антисанитарию; даже местным журналистам.

Но однажды его система дала сбой. Сын высокопоставленного чиновника из области, решивший «поэкспериментировать на натуре», взял в Яме дозу. Чистую, как ему сказали. Она оказалась настолько чистой, что сердце молодого человека остановилось через три минуты. Отец, обойдя все договорённости, устроил войну. Милиция, которая ещё вчера брала у Арсения деньги, вломилась в Яму с обыском. Нашли всё. Барона посадили. На зоне он, лишённый своей «крыши», стал мишенью. И там, в тюремной больнице, после драки с сокамерником и переливания заражённой крови, он получил свой диагноз. **ВИЧ**.

Профилактика: Даже тот, кто стоит по ту сторону наркобизнеса, кто наживается на чужом горе и слабости, не защищён. Наркотики – это гремучая смесь преступления, болезней и смерти. Она выжигает всех: и того, кто пробует, и того, кто продаёт, и того, кто покрывает. Одна инъекция, одна доза – это вход в систему, из которой нет честного выхода. Только вниз. В яму. В буквальном и переносном смысле.

Эпилог

Машины скорой помощи продолжали выезжать на вызовы в Яму и после этих историй. Менялись лица врачей, милиционеров, баронов. Но не менялся итог. Гниющие тела, пустые глаза, сломанные судьбы и положительные тесты на ВИЧ и гепатит С.

Запомните: **не существует «одного безопасного раза»**. Существует один шприц, одна игла, которые могут стать твоим личным билетом в ад. Билетом в один конец. Наркотик убивает не только мечты, будущее, личность. Он убивает тело, заражая его неизлечимыми болезнями, превращая в рассадник инфекции. Выбирая «попробовать», ты выбираешь не впечат-

ления. Ты выбираешь между жизнью и мучительной, одинокой, позорной смертью. Выбирай жизнь.

Один раз на всю оставшуюся жизнь

Его звали Кирилл. Он не был наркоманом. Он был студентом третьего курса политеха, играл в любительской рок-группе, встречался с девушкой Леной. Он просто хотел новых ощущений. «Один раз – не наркоман», – услышал он на вечеринке в съёмной квартире друга. Говорил этот Андрей, которого все уважали за «крутизну». Он достал шприц. Не новый, одноразовый, а странный, со стеклянным цилиндром и толстой иглой. «Фирменный, цыганский, с накалом. Реальный кайф, братан. Только для своих».

Кирилл колебался секунду. Потом подумал: «Все пробуют. Я что, слабее?» Он затянул жгутом бицепс, как ему показал Андрей. Вена на сгибе локтя выступила синей жилкой. Игла вошла с лёгким хрустом. Небольшая боль, а потом..., потом мир взорвался в фейерверке неземного блаженства. Он парил. Это был самый сильный восторг в его жизни. Длился он около двадцати минут.

А потом началось.

Сначала просто тошнота. Потом жар. Рука в месте укола распухла и покраснела. К утру она стала багрово-синей и горячеей, как уголь. Температура под сорок. Страх затмевал разум. Он не мог пойти в больницу – сразу поставят на учёт, отчислят, узнают родители, Лена. Он молчал, терпел, пил антибиотики, купленные в аптеке.

Через три дня от боли он начал кричать в подушку. Рука превратилась в чудовищный, пульсирующий бурдюк, из-под кожи на предплечье проступали жёлто-зелёные пятна. Они пахли. Сладковато-гнилостным, тошнотворным запахом испорченного мяса. Запах шёл от него самого. От его плоти, которая медленно умирала заживо.

На пятый день он, плача от боли и ужаса, позволил отвезти себя в приёмное отделение. Врач-хирург, взглянув на руку, сморщился.

– Гангрена. Сепсис. Кто колот?

Молчание.

– Шприц был стерильный?

Молчание.

Его немедленно положили в гнойную хирургию. Операционная. Яркий свет. Он слышал, как хирург сказал ассистенту сквозь маску: «Всё, спасать нечего. Только резать, иначе труп к утру». Ему не дали общего наркоза – времени не было, только местная анестезия. Он чувствовал, как скальпель режет по живому, как костяная пила скрежещет по его собственной кости. Он видел, как его руку – его правую руку, которой он играл на гитаре, писал, обнимал Лену – уносили в чёрном пакете для биологических отходов.

Это был только первый круг ада.

Анализы, взятые при поступлении, пришли через сутки. Врач вошёл в палату с каменным лицом.

– Кирилл, у нас два результата. Первый – у вас газовая гангрена, вызванная клостридиями. Грязь, земля. Иглой занесли почву прямо в кровь. Второй... – врач сделал паузу, глядя ему прямо в глаза. – ВИЧ. Реакция положительная. И гепатит С.

Мир рухнул в бездну. Он остался без руки, с пожизненным вирусом в крови, обречённый на антиретровирусную терапию, на страх заразить близких, на взгляды, полные брезгливости

и страха. Лена, узнав, ушла, рыдая. Родители состарились за день. Группа распалась. Учёба остановилась.

Но дно было ещё далеко.

Через неделю к его койке пришли двое в штатском. Следователь и оперативник.

– Кирилл, ты знаком с Андреем Семёновым?

– Да...

– Он задержан с крупной партией героина. На тебя дал показания. Ты при нём приобретал и употреблял. Это сбыт наркотиков в особо крупном размере. Ты соучастник.

Он кричал, что всего один раз, что это неправда, что он ничего не покупал. Ему показали протокол, где его же «друг» Андрей детально описал, как Кирилл сам выпрашивал «дозу посылнее». Показания одного наркодилера против слова инвалида с ВИЧ. Суд длился недолго. Статья 228.1 УК РФ. Сбыт наркотиков. Даже в качестве «потребителя, способствовавшего сбыту» – семь лет строгого режима.

Тюремная больница. Камера. Его, однорукого, больного СПИДом (иммунитет рухнул стремительно в условиях стресса и тюрьмы), «опускают» в первый же месяц. Отбирают передачи, избивают. Он – «гнида», «чумной», «обрубок». Он спит у параша. Его тело, лишённое иммунитета, покрывается трофическими язвами. Теперь гниёт не культия, а всё тело. Тюремный фельдшер лишь разводит руками: «СПИД в стадии вторичных заболеваний. Туберкулёз, саркома Капоши. Долго не протянет».

Он умер в тюремной больнице через два года после того вечера. От пневмоцистной пневмонии – болезни, от которой не умирают люди с иммунитетом. Его тело, изъеденное язвами и болезнями, завернули в чёрный полиэтилен.

Всё это – за ОДИН раз.

Один шприц. Одна инъекция. Одна секунда слабости.

В этом шприце оказалась не просто «доза». В нём была земля с кладбища, где цыганский барон хоронил своих конкурентов (кlostридии – анаэробные бактерии, прекрасно живущие в трупах). В нём была кровь десятков предыдущих потребителей, среди которых был хотя бы один с ВИЧ и гепатитом. В нём была подстава «друга», которому нужно было свалить вину. И в нём был весь беспощадный механизм Уголовного Кодекса, который не разбирает, «один раз» или тысяча.

Это не страшилка. Это математика. Грязь + вирусы + преступный мир + закон = твоя смерть. Медленная, унижительная, гниющая заживо в физическом и социальном смысле.

Ты гонишься за кайфом? Он продлится двадцать минут. Расплата – вся твоя оставшаяся, короткая и мучительная жизнь. Твой выбор – между этими двадцатью минутами и **всем**. Выбирай.

Белокрылая смерть

ИСТОРИЯ 1: «Первый бесплатный укол»

В школе Артёма называли «ботаником». Родители – успешные врачи, дом в престижном районе, планы на поступление в МГИМО. Он был идеальной мишенью.

На него вышел «крёстный» – молодой парень Рома, сын знакомого семьи, «успешный предприниматель». Он не предлагал наркотики. Он предлагал статус, взрослость, путь в «клуб избранных». Однажды, после тренировки, Рома сказал: «Есть кое-что, что обостряет все чувства. Музыка, книги, женщины – всё воспринимается иначе. Хочешь? Это как секретное знание. Первый раз – за мой счёт, друзьям не отказываю».

Это была ловушка, в которую веками ловили рыб. Первый крючок – всегда бесплатный.

Артём укололся. Кайф был неземной. А через неделю его мир рухнул. Проснувшись в грязной квартире в районе Ямы, он не помнил, как там оказался. В кармане – пустой кошелёк и три пакетика с порошком. В этот момент вломилась милиция. «Обнаружили при обыске». Это была стандартная «наводка»: того, кого «посадили на крючок», сразу же подставляли, чтобы начать шантажировать семью.

Следователь, дружелюбно улыбаясь, положил перед Артёмом протокол: «Хранение в особо крупном размере. Статья 228. Десять лет минимум. Или... мы можем решить вопрос. Твои родители ведь врачи? У них, наверное, связи в клиниках? Нужны кое-какие рецептурные бланки...»

Артём позвонил отцу, рыдая. Семья вступила в сделку с дьяволом. Они стали «ресурсом» для банды. Отец выписывал рецепты на сильнодействующие обезболивающие, которые затем перепродавались. Мать доставала дорогие антибиотики. Через полгода их обоих задержали. Мать, не выдержав позора, вскрыла вены в камере. Отца осудили на 8 лет.

Артёма, как «соучастника» и уже зависимого, отправили в колонию. Там, среди отбросов общества, «ботаник» из благополучной семьи стал чьей-то «девочкой». Его тело, ослабленное наркотиками, быстро сдалось туберкулёзу. Он умер в тюремной больнице, и даже труп его не забрали – родители были либо мертвы, либо в зоне.

Профилактика: Запомни: **НИЧТО НЕ БЫВАЕТ БЕСПЛАТНО**. Если тебе предлагают «просто попробовать» – это охота. Ты – не друг, ты – **ресурс**. Твоё благополучие, твоя семья, твоё будущее – это **ВАЛЮТА**, которую с тебя будут выбивать. Сначала деньгами, потом связями, потом твоим телом, потом твоей жизнью. Наркоторговец никогда не станет твоим приятелем. Он – палач, который наживается на твоей агонии.

ИСТОРИЯ 2: «Плата за красивую жизнь»

Катя, 16 лет, дочь депутата городского совета. Яркая, популярная в инстаграме. На одной из вечеринок её познакомили с «крутым парнем» Диманом. Он был из другой жизни: дорогие часы, уверенность, власть. Он подарил ей внимание и «волшебную таблетку для смелости» перед выступлением на конкурсе. «Это как глоток шампанского, только лучше».

Таблетка оказалась «экстази». Катя выступила блестяще. И попала в рабство. Диман начал шантажировать: «Либо ты продолжаешь брать у меня „витамины“ и приводишь своих подружек, либо я выкладываю твои фото под кайфом в сеть, и папа-депутат узнает всё».

Она приводила подруг. Стала «закладчицей» – прятала наркотики в тайниках по городу. Однажды её «поймали» оперативники с двумястами граммами мефедрона. «Заложница» – статья 228.1, сбыт. Суд был показательным: «Дочь чиновника – наркодилер». Папу сняли с должности, но Кате это не помогло. Шесть лет колонии.

В женской зоне её ждал ад. Её, избалованную «мажорку», «опустили» в первую же неделю, отбирая передачи. Она пыталась бунтовать. Её изнасиловали самодельной «дуркой» – ручкой от швабры, смазанной машинным маслом. Занесли заражение. В тюремной больнице диагностировали перитонит и ВИЧ, подхваченный от общего шприца где-то в её короткой «карьере». Она умерла в одиночной камере медсестринского отделения, истекая гноем, в полном одиночестве. Диман, продавший ей первую таблетку, в день её смерти купил себе новую иномару.

Профилактика: Девушка! Твоя красота, твоя популярность, статус родителей – это **НАЖИВКА** для них. Им нужен твой образ, твой круг общения, твоё влияние. Они превратят тебя в рабыню и расходный материал. Наркотик – это крюк, на который тебя поймают, чтобы сделать орудием преступления. Тюрьма для таких, как ты, – это не исправительное учреждение. Это конвейер по производству сломанных судеб и трупов. Ты умрёшь в грязи, а они на твои деньги будут отдыхать в Дубае.

ИСТОРИЯ 3: «Слабость, которая стоит всего»

Максим, капитан школьной сборной по баскетболу. На него вышли через «авторитета» в спортзале. «Для выносливости, для куража. Все профи так делают. Один укол – и ты летаешь по площадке». Это был ме. . . . амин.

Он «полетел». И попал в аварию на отцовской машине, сбив насмерть женщину с коляской. В крови – наркотики. Не просто «употребление» – **УБИЙСТВО ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ**. Статья 264 УК РФ. Ему было 17 лет. Суд приговорил его к 9 годам колонии для несовершеннолетних, а по достижении 18 лет перевели в взрослую зону строгого режима.

Там, в мире, где правят «понятия», убийца ребёнка (а так трактовали его поступок) – это низшая каста. «Козёл». Его сделали «опущенным». Это значит – отдельная посуда, место у параша, обязанность выполнять самую грязную работу и быть объектом для садистских издевательств. За попытку пожаловаться администрации ему сломали позвоночник, ударив брусом по спине. Он остался парализованным.

Его перевели в тюремную больницу, где у лежачего больного развились пролежни. Раны загноились, началась гангрена. Он сгнил заживо на тюремной больничной койке, вонь от его тела заставляла санитаров надевать по две маски. Всё это – потому что один раз ему стало интересно, каково это – «летать».

Профилактика: Парень! Ты думаешь о кайфе, о новых ощущениях? Один укол, одна таблетка – и ты уже не спортсмен, не студент, не сын. Ты – **убийца**. И тогда система правосудия, тюрьма и её законы перемальвают тебя в фарш. Физически. Тебя ломают, изнасилуют, превратят в овощ и дадут сгнить. А те, кто дал тебе этот наркотик, будут смеяться над твоей историей, как над анекдотом, за бутылкой дорогого виски.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Твой выбор:

Они – наркоторговцы, бароны, «крёстные» – **НЕ УПОТРЕБЛЯЮТ** то, что продают тебе. Они пьют чистую воду, едят здоровую пищу, лечатся у лучших врачей. Их дети учатся за границей. **Твоя жизнь, твоё здоровье, твоё будущее – для них просто СЫРЬЁ ДЛЯ ПРИБЫЛИ.**

Им нужен **ИМЕННО ТЫ:**

Из благополучной семьи – чтобы шантажировать.

Успешный и популярный – чтобы использовать твой статус.

Доверчивый и ищущий новых ощущений – чтобы подсадить и превратить в раба.

Сказать «НЕТ» – это не слабость. Это сила.

Это значит:

Сохранить своё тело чистым от иглы, язв, ВИЧ и гниющей плоти.

Сохранить свой разум свободным от химического рабства.

Сохранить свою жизнь вне тюремных стен, где царит закон зверей.

Сохранить честь своей семьи, не сделав её заложником наркомафии.

ОСТАВИТЬ НАРКОБАРОНОВ БЕЗ ИХ ПРИБЫЛИ – ТЕБЯ.

Когда тебе предложат «просто попробовать» – помни Артёма, Катю, Максима. Они тоже думали, что будут «просто попробовать». Их больше нет. Их могилы даже не найти. А те, кто их погубил, живут в роскоши, глядя на таких, как ты, как на стадо дойного скота.

ТВОЙ ОТКАЗ – ЭТО УДАР ПО ИХ БИЗНЕСУ. ТВОЁ «НЕТ» – ЭТО ТВОЯ ПОБЕДА. ВЫБИРАЙ ПОБЕДУ.

Черное солнце Ямы

Пролог. Кровь на асфальте

Он умер не как бандит, а как собака. Забитый ногами в грязном переулке у помойки. Его звали Гвоздь, и последнее, что он увидел перед тем, как хрустнула гортань, – ухмыляющуюся физиономию своего же подручного, Цыплёнка, который держал его за волосы, пока Бульдозер,

уроженец тех самых цыганских таборов, методично ломал ему рёбра кастетом. Предали за пачку купюр, за право стоять ближе к раздаче «белой смерти» от барона Арсения. Гвоздь был ничем. Просто очередным звеном, которое вырвали из цепи и выбросили на свалку.

В милицеском протоколе написали: «Бытовуха. На почве личных неприязней». Участковый, получив свою долю от Цыплёнка, даже не стал поднимать дела. Труп утилизировали как биомусор. Так жили и умирали в Яме – месте, где солнце, казалось, светило как-то тусклее, а воздух пах озоном, дешёвым парфюмом и страхом.

Часть первая. Паразиты

Цыплёнок, он же Сергей Миронов, 22 года, торжествовал. Он занял место Гвоздя. Теперь у него была своя «точка» – подвал в разрушенном доме, где шла торговля «солью» и «крокодиллом». Он не употреблял. Он видел, как это делают другие: как гниют заживо подростки из благополучных семей, как теряют человеческий облик старые дружки. Для него они были не людьми, а «ходячими кошельками». Он презирал их слабость. Его философия была проста: мир – джунгли, и он стал хищником. Работать? На кого? На дядю? Смешно. Он паразитировал на слабостях общества, высасывая из него соки, и считал это высшей формой ума.

Его правая рука, Бульдозер (настоящее имя было утрачено, все звали его Буль), был другой породы. Груда мышц, шрамов и первобытной злобы. Он наслаждался властью, которую давал страх. Он мог избить человека до полусмерти просто за «неправильный» взгляд. Для него жизнь в Яме была идеальной: здесь царил его закон – закон кулака и ножа. Он не мечтал ни о чём, кроме как есть, спать, насиловать и калечить. Он был тупым, но смертоносным оружием в руках тех, кто был умнее.

А умнее всех был **Барон**. Арсений Петрович Волков, 45 лет. Не цыган, но давно и прочно вросший в таборную жизнь, женившись на дочери цыганского вожака. Он выглядел респектабельно: добротная кожанка, аккуратная стрижка, манера говорить тихо и весомо. Он никогда не повышал голос. Он никогда не прикасался к наркотикам. Он никогда не присутствовал при разборках. Он был мозгом. Его империя стояла на трёх китах: наркоторговля, рэкет ларьков и покровительство сверху. Он платил. Всем. И все были его должниками.

Его кабинет находился в неприметном офисе фирмы-однодневки «Восток-Строй». На стене – икона. На столе – «Уголовный кодекс РФ». Он любил цитировать и то, и другое. «Бог дал человеку выбор, – говорил он своим подручным. – Мы просто... предоставляем выбор. А Кодекс – это инструкция, как не попасться. Соблюдай её, и будешь жить долго и счастливо». Он смотрел на своих «солдат» как на расходный материал. Цыплёнок, Бульдозер, другие – это были псы, которых кормят, чтобы они охраняли двор. А если пёс заболевает бешенством или станет слабым – его пристрелят и возьмут нового.

Часть вторая. Крыши из погон

Капитан милиции Виктор Семёнович Рогов, начальник отдела по борьбе с экономическими преступлениями, считал себя практиком. Он видел, как разваливалась страна, как идеалы уходили в прошлое. Он выбрал простое правило: если нельзя предотвратить преступление, нужно его **возглавить**. Или, как минимум, брать с него дань.

Его связь с Бароном была образцом делового партнёрства. Раз в месяц они встречались в бане. Без свидетелей. Рогов передавал информацию о готовящихся облавах, о новых сотрудниках ОБНОНа, о планах прокуратуры. Барон передавал толстый конверт с купюрами и флэшку с компроматом на одного из чиновников городской администрации – для «развития» карьеры Рогова.

Рогов презирал бандитов. Для него они были животными, полезными, но вонючими. Он оправдывал себя тем, что поддерживает «контролируемый хаос». «Лучше свой, знакомый бандит, чем чужой, непредсказуемый». Его подчинённые, младшие лейтенанты, перенимали эту философию с жадностью неофитов. Они не защищали – они **облагали налогом**. Задержать мелкого торговца, отобрать товар и продать его обратно Барону. Устроить проверку в ларьке,

пока бандиты этого ларька не заплатят за «спокойствие». Они носили погоны, но души их были выжжены алчностью. Чести не было. Была ставка – процент с оборота смерти.

Лейтенант Андрей Кольцов, правая рука Рогова, пошёл дальше. Ему было мало денег. Ему хотелось власти, того самого животного страха, которым наслаждался Бульдозер. Он начал появляться на точках лично. Брал товар «на пробу». Участвовал в «воспитательных» беседах с должниками. Однажды он лично сломал пальцы студенту, который не смог вовремя заплатить за долю. Он смотрел в глаза Цыплёнку и видел там то же самое ничтожество, что и в себе. Они были зеркалами друг для друга – одно в законе, другое вне его.

Часть третья. Бездна глядит в тебя

Конфликт назрел сам собой, как гнойник. Цыплёнок, возомнивший себя хозяином положения, решил утаить часть выручки от Барона. Маленькую часть. На новую иномарку. Он думал, что он незаменим. Он забыл первое правило паразита: хозяин всегда может найти нового.

Барон узнал об этом через Рогова, у которого были свои люди среди низов. Решение было принято холодно и расчётливо. Но исполнить его поручили не своим, а... милиции.

Рогов вызвал Кольцова.

– Андрей, пора наводить порядок. Цыплёнок зажрался. Он стал самостоятельным. Это плохо для бизнеса.

– Прикажете задержать?

– Нет. Уничтожить. Как бешеную собаку. И сделать это нужно... с пользой для нашего имиджа.

План был циничным и блестящим. Кольцов со своей бригадой вломился на точку Цыплёнка якобы с обыском. Бульдозер, предупреждённый Бароном, «оказал сопротивление». В завязавшейся «перестрелке» (все выстрелы были сделаны из одного пистолета Кольцова) были убиты: Цыплёнок, два его обкуренных клиента и... сам Бульдозер. Лишний свидетель, слишком тупой, чтобы жить дальше.

В отчёте написали героическую историю: «В результате оперативно-разыскных мероприятий и в ходе задержания опасных преступников, оказавших вооружённое сопротивление, ликвидировано трое членов организованной преступной группы, занимавшейся сбытом наркотиков. Один сотрудник получил лёгкое ранение».

Кольцова представили к медали. Рогов получил благодарность от губернатора. Барон, устранив конкурента и слишком самостоятельного подручного, восстановил «справедливость» и поставил на точку нового, более послушного «менеджера». Конверт для Рогова в тот месяц был в два раза толще.

Эпилог. Вечный круг

На похоронах Цыплёнка не было никого. Мать, спившаяся женщина с окраины, получила от «неизвестных благотворителей» конверт с деньгами – отступные за сына. Она пропёт их за неделю.

Бульдозера похоронили на цыганском кладбище. Быстро, без слёз. Его место в бригаде уже занял другой здоровяк.

В кабинете Барона пахло дорогим кофе. Он обсуждал с Роговым, вернувшимся из отпуска в Турции, новые схемы поставок через соседнюю область.

А в подвале того самого дома, где был убит Цыплёнок, уже торговал новый парень. Ему было восемнадцать. Он боялся и жадничал одновременно. Он мечтал о большой власти, о деньгах, о страхе в глазах окружающих. Он думал, что он уникален. Что он хищник.

Он не знал, что уже стал очередным звеном. Что его уже приговорили. Что где-то есть папка с его будущим делом, конверт с его будущим выкупом и холодный расчёт Барона, в котором ему отведено ровно столько времени, сколько он будет полезен и управляем.

Над Ямой всходило чёрное солнце. Оно светило всем одинаково: и тем, кто думал, что правит, и тем, кем правят. Оно не давало тепла. Оно лишь освещало грязь, кровь и пустоту в глазах тех, кто продал душу за призрачную власть быть паразитом. Круг замыкался. Вечно.

Ибо природа паразита такова – сожрав всё вокруг, он неизбежно начинает пожирать самого себя.

Одна точка отсчёта

Сирена была единственным звуком, нарушавшим сон спального района. Санитарный фургон, мигая красно-синим, пробивался сквозь предрассветную мглу не к дому, не к больнице, а на задворки – туда, где городское благоустройство заканчивалось, упираясь в пустыри, свалки старых шин и коробки полуразрушенных гаражей.

Это место не имело названия на картах. Местные называли его «Поляной». Сюда не заходили патрули. Уличные фонари здесь давно разбили. Даже самые отчаянные подростки обходили «Поляну» стороной после наступления темноты. Все знали, кому она принадлежит. Все знали, что происходит под покровом ночи у бетонного бункера, оставшегося от забытых всеми строек.

Когда фургон, подпрыгивая на колдобинах, подъехал к месту, было уже поздно. Слишком поздно даже для этого места.

Двое молодых людей лежали на промозгом бетонном полу. Один, в чёрной толстовке, не двигался. Его лицо, обращённое к грязному потолку, было цвета влажного пепла. Глаза, широко открытые, смотрели в никуда, отражая тусклый свет фонарика медиков. Рядом с его окоченевшей рукой валялся одноразовый шприц.

Второй был жив. Но это была такая жизнь, от которой мороз пробегал по коже. Он лежал на боку, скрючившись калачиком, и тихонько стонал. Его руки от кистей до локтей представляли собой нечто невыразимое. Казалось, плоть на них не горела, а **таяла**, обнажая мясо, испещрённое фиолетовыми и жёлтыми подтёками. Язвы, глубокие и зияющие, сочились сукровицей и гноем. Тот самый сладковато-гнилостный запах, который врачи называют «ароматом некротической ткани», висел в воздухе плотным, осязаемым облаком. Он въедался в одежду, в волосы, в кожу.

Фельдшер Макар, мужчина с лицом, высеченным из граница многолетним опытом, лишь сжал губы. Он натянул вторую пару нитриловых перчаток поверх первой. Его напарница, молодая санитарка Аня, отвернулась, подавив рвотный позыв.

– Сепса, – коротко бросил Макар, имея в виду сепсис – заражение крови. – Гангренозные процессы. Вызвали слишком поздно.

Они работали молча, с каменными лицами. Лились литры антисептика, вычищались карманы гноя, накладывались стерильные повязки, которые насквозь пропитывались за считанные минуты. Все движения были отточены, быстры, лишены какой-либо теплоты. Это была не помощь. Это был ритуал констатации. Они боролись не за жизнь, а против немедленной смерти, чтобы доставить тело в инфекционное отделение, где ему предстояло умирать уже официально.

Пока они переносили первого, мёртвого, на носилки, живой прошептал сквозь лихорадочный бред:

– Мы... просто... один раз... Он сказал, чистый... Всем хватило...

«Он». Безымянный, безликий. Человек, который принёс шприц. Который, возможно, наблюдал со стороны, как они кололись. Который потом просто ушёл, оставив их умирать в грязи. Для «него» они были не людьми, а завершённой сделкой. Отработанным материалом.

В приёмном покое инфекционной больницы, куда доставили выжившего, взяли анализы. Стандартная процедура. Результаты пришли через несколько часов.

Врач, женщина лет пятидесяти с усталыми, но не утратившими сострадания глазами, вошла в бокс. Она посмотрела на юношу, на его изуродованные, забинтованные руки, на капельницу, вводящую в его вены мощные антибиотики.

– Как тебя зовут? – спросила она тихо.

– Дима...

– Дима, – она села на стул рядом. – Слушай внимательно. У тебя газовая гангрена, вызванная клостридиальной инфекцией. Это бактерии, которые живут в земле, в пыли. Они попали к тебе прямо в кровь. Твой организм с ней борется, но... – она сделала паузу. – Но есть ещё один результат. По анализу крови. Дима, у тебя ВИЧ. И гепатит С.

Он не закричал. Он не заплакал. Он просто уставился в потолок, и в его глазах что-то окончательно погасло. Весь мир сузился до этих слов: гангрена, ВИЧ, гепатит. Весь его путь, вся его прежняя жизнь – школа, мечты о мопеде, первая влюблённость – рассыпалась в прах за один вечер. За один укол.

– Шприц... был один... на всех... – выдавил он.

Один шприц. На двоих. В нём оказалась вся грязь мира: земля с асфальта «Поляны», кровь десятка предыдущих неизвестных «клиентов», смертоносные вирусы, пойманные кем-то в другом таком же подвале. Весь этот адский коктейль был введён в его кровь под предлогом «братства» и «единоразового кайфа».

Через три дня Дима умер. Остановилось сердце, не выдержавшее нагрузки интоксикации и сепсиса. Его тело, как и тело его друга, стало предметом для патологоанатома, а затем – пеплом в безымянной урне. Никто не пришёл их забрать.

Торговец, продавший им «чистый» товар, даже не узнал об их смерти. Для него это был обычный рабочий день. Он получил деньги, он был доволен. Он никогда не употреблял то, что продавал. Он берег своё здоровье. Он кормил свою семью. Он был просто «бизнесменом», удовлетворяющим рыночный спрос.

История Димы и его безымянного друга не попала в сводки. Не стала громким делом. Она растворилась в статистике: два случая передозировки, два случая заражения ВИЧ и гепатитом С, два трупа. Цифры.

Но эта история – точка отсчёта. Она случается каждый день. В разных городах, в разных странах, на разных «полянах». Местность не имеет значения. Имена не имеют значения. Механика – неизменна.

Один раз – это не начало пути. Это точка невозврата. Это мгновенный прыжок из мира живых в систему, где ты – расходный ресурс. Где твоё тело становится полем боя для бактерий и вирусов. Где твоё будущее сжимается до размеров больничной палаты или тюремной камеры (потому что следующая ступень после употребления – часто соучастие или мелкий сбыт, на который «подсаживают» новичков). Где честь, мечты, любовь, сама возможность быть счастливым – аннулируются одной иглой.

И всегда, **всегда** найдётся тот, кто протянет тебе эту иглу. С улыбкой. С дружеским похлопыванием по плечу. С уверениями, что всё под контролем.

Выбор – принимать или нет – это последний по-настоящему человеческий выбор на твоём пути. Всё, что после – уже не выбор, а медленное, или очень быстрое, исполнение приговора, который ты вынес себе сам. Приговора, в тексте которого всего два слова: **«Всего один раз».**

ПЕРЕВЁРНУТЫЙ ЩИТ

Они не считали себя преступниками. Никогда. В этом был главный, фундаментальный самообман, на котором держался их мир.

Майор Андрей Владимирович Семёнов, начальник отдела по делам несовершеннолетних, ещё утром провёл лекцию в лицее о вреде наркотиков. Говорил убедительно, глядя честными голубыми глазами в лица десятиклассников. Он цитировал статьи УК, рассказывал страшные истории из практики, видел в их глазах смесь скуки, интереса и уважения к погоням. Он сам почти верил в то, что говорил. Это было его алиби перед самим собой.

Вечером того же дня он сидел в кресле в кабинете, который не значился ни в одном реестре, в неприметном здании на окраине. Перед ним лежал паспорт. На паспорт – аккуратная стопка купюр. Не в конверте. Просто стопка. В этом был своеобразный «шик», намёк на честность: вот твои деньги, бери, мы ничего не скрываем.

– Дело твоего «подопечного», Колесникова, нужно похоронить, – сказал человек в дорогом кашемировом пальто, лицо которого тонуло в полумраке. – Он попался с тем, что не должен был трогать. Это территория наших партнёров. Твоя задача – чтобы дело стало «неперспективным». Свидетели – «ненадёжные». Вещественные доказательства – «утеряны». Понятно?

Семёнов кивнул, не глядя на паспорт. Он знал, что Колесникову семнадцать. Что он из приличной семьи. Что его подставили, подбросив «синтетику», когда он отказался платить «дань» за проход через их двор к своему же дому. Он также знал, что отец Колесникова – неудобный журналист, пишущий о коррупции в ЖКХ. Это было наказание. А он, майор, был орудием.

Он взял деньги. Они не пахли. Они были хрустящими, новыми. На них не было крови, видимой глазу. Он клал их в сейф, где уже лежали другие такие же стопки – за «потерю» протокола на сына судьи, за «незамеченные» несоответствия в отчёте об изъятии, за перекалификацию статьи с «сбыта» на «хранение в незначительном размере» для дочери депутата.

Их клятва, данная когда-то у священного для них знамени, давно превратилась в пустой звук, в ритуальную формулу, которую произносили на праздниках. Они оправдывались цинично и просто:

«На одну мою зарплату не проживём».

«Все так делают. Если не я, то другой возьмёт, а результат будет тот же».

«Я не творю зло, я просто... не мешаю. Я поддерживаю баланс. Контролируемый хаос лучше войны».

«Я же не убиваю. Я бумажки двигаю».

Они, эти «двигатели бумажек», создавали питательную среду, в которой смерть цвела махровым цветом.

Прокурор города, Игорь Станиславович, человек с железной, вытуженной логикой, никогда не брал деньги лично. Он брал «долги». Его сын учился в престижной британской школе «по целевой программе» от одной нефтяной компании. Его жена возглавляла «благотворительный фонд», который получал щедрые пожертвования от фирм, чьи дела проходили через его прокуратуру. Он не нарушал закон. Он его **интерпретировал**. Его заключения по делам о наркоторговле были шедеврами юридического казуистики: там, где следователь видел организованную группу, прокурор усматривал «ряд разрозненных эпизодов»; где были явные улики – находились «процессуальные нарушения». Он не преступник. Он – высококлассный специалист, оптимизирующий систему. А то, что после его «оптимизации» на волю выходил не барыга-одиночка, а целое звено сети, которое тут же возвращалось к работе – это был лишь побочный эффект. Статистика. Цифры.

Их объединяло одно: **глубочайшее презрение к тем, кого они должны были защищать**. К этим испуганным подросткам на допросах, к их плачущим матерям в приёмных, к идеалистам-следователям, которые ещё верили в букву Закона. Они считали их дураками, не понимающими правил игры. А правила были просты: мир делится на сильных (тех, кто имеет ресурсы: деньги, связи, власть) и на слабых (всех остальных). Их работа, как они её видели, заключалась в обслуживании сильных и в сдерживании слабых, чтобы те не слишком бузили.

Их самым страшным преступлением было не взяточничество. Их самым страшным преступлением было соучастие в геноциде будущего.

Вот как это работало на практике:

Банда «царей» района (часто те самые «благополучные» дети, за которых платили родители) безнаказанно торговала в школах и колледжах. Участковый, «мотивированный» ежемесячными выплатами, писал в рапортах: «Признаков распространения наркотиков не обнаружено».

Когда «стрелочника», мелкого курьера-подростка из неблагополучной семьи, ловили с поличным, ему грозила реальная статья. Но тут в дело вступал адвокат, оплаченный теми же «царями». Через свои каналы в прокуратуре и суде дело «разваливалось». Подростка отпускали. Но не просто так. Теперь он был **должником**. И отработывал долг, втягивая в эту систему своих друзей, сестёр, братьев. Преступная сеть росла.

Если же находился принципиальный следователь или учитель, начинавший бить тревогу, против него запускался механизм дискредитации. Анонимки о взятках, внезапные проверки, давление через руководство. Его либо ломали, либо выживали. Система самоочищалась от «честных дураков».

Подрастающее поколение видело это. Они не были слепы. Они видели, что сынка олигарха отпускают из полиции через час после задержания с наркотиками, а сына уборщицы сажают за косяк «травки». Они видели, что **безнаказанность** – это главный закон жизни. Они делали простой, чудовищный вывод: *«Если те, кто должен защищать, сами являются частью системы зла, значит, зло – это и есть норма. Значит, закон – для лохов. Значит, выживает и процветает только сильнейший и беспринципнейший»*.

И они шли в эту систему. Часть – как новое пушечное мясо, мелкие дилеры, закладчики. Другая, «продвинутая» часть, мечтала уже не о кайфе, а о власти, о кресле, о возможности, наконец, тоже брать эти «хрустящие» и не пахнущие ничем стопки. Они мечтали стать новыми Семёновыми и Игорями Станиславовичами.

Круг замыкался. Предавшие клятву выращивали себе на смену поколение циников, для которых понятия чести, долга и справедливости были бы уже не просто пустым звуком, а предметом для глумления.

А майор Семёнов, положив очередную стопку в сейф, шёл домой. Дома он был любящим отцом. Он играл со своей маленькой дочкой, следил, чтобы она не смотрела плохие мультики, мечтал о её светлом будущем. Он искренне боялся за неё. Боялся того мира, в котором ей предстоит жить. Он никогда не связывал этот свой страх с теми папками, которые он хоронил в своём кабинете. Он думал, что строит для неё крепость из денег и связей.

Он не понимал, что своими руками, бумагой за бумагой, взяткой за взяткой, он не строил крепость. Он рыл для неё, для своей любимой дочери, **ту самую яму**. Ту самую, куда рано или поздно проваливается всё общество, лишённое защиты и справедливости. И его дочь, выросшая в мире, где погоны и мундиры стали символами лицемерия и власти сильного над слабым, либо станет жертвой этой системы, либо, что страшнее, – её новым, ещё более беспощадным винтиком.

Так происходит, когда щит, предназначенный для защиты, переворачивают и используют как лопату, чтобы копать могилы для собственного будущего. И самые страшные могильщики – те, кто даже не слышит звона собственных медалей о брошь гроба.

НЕЗРИМЫЕ ВЕСЫ

Кабинет судьи Областного Суда субъекта федерации Павла Сергеевича Колтовского напоминал не рабочее помещение, а сакральное пространство. Высокие потолки, тёмное полированное дерево, тяжёлые портьеры, приглушающие звуки города. Центром этого мира был не стол, а **Весы**. Не настоящие, конечно. Скульптура на книжном шкафу: две идеальные чаши из позолоченной бронзы на фоне мраморных скрижалей. Символ. Напоминание. Икона.

Павел Сергеевич давно не видел в них символ правосудия. Для него это был символ **баланса**. Баланса интересов. Баланса сил. Баланса между тем, что написано в толстых томах Уголовного кодекса на полках, и тем, что диктовала жизнь. Вернее, та её часть, что была заключена в его телефонной книге под грифом «для служебного пользования».

Сегодня на его столе лежало дело, которое было не папкой с бумагами, а разорвавшейся гранатой с выдернутой чекой. Обвиняемый – следователь управления по борьбе с организованной преступностью, пойманный с поличным на получении колоссальной взятки от наркокартеля. Доказательства – железные. Видео, аудио, показания оперативников. Общественный резонанс – дело уже подхватили федеральные СМИ, пахло грандиозным скандалом.

На другом конце провода утром звучал спокойный, бархатный голос:

– Павел Сергеевич, это же наш человек. Солдат. Если он упадёт, он уронит многих. Потом долго будем разгребать. Нужна... правильная квалификация. Не «получение взятки в особо крупном размере группой лиц». Скажем, «злоупотребление должностными полномочиями». Или вовсе – прекращение за отсутствием состава. Он ведь, в конце концов, не для себя старался. Систему укреплял.

«Система». Это было их кодовое слово. Оно заменяло «преступный сговор», «коррупционную сеть», «организованное сообщество». Оно звучало солидно, почти научно. Они были не предателями закона, а его **хранителями особого свойства**. Они не продавали приговоры. Они обеспечивали **стабильность**. Стабильность той экосистемы, в которой они все существовали: судьи, прокуроры, силовики, дельцы. Они спасали не преступника. Они спасали **часть системы от коллапса**.

Павел Сергеевич смотрел на позолоченные весы. В его воображении на одну чашу ложилась буква закона: статьи 290 УК РФ, срок от восьми до пятнадцати лет. На другую – невидимая гиря: долг перед «своими», спокойствие системы, гарантии собственной безопасности, благополучие семьи (его дочь как раз собиралась за границу на стажировку, спонсором которой выступил один непрозрачный фонд).

Чаши качнулись. Беззвучно. Он даже не услышал их звона.

Он взял ручку. Не обычную шариковую, а тяжелую, перьевую, подарок к двадцатилетию на судейской службе. Он начал писать. Его почерк, всегда чёткий и разборчивый, сегодня был особенно каллиграфичен, как будто он выводил не постановление, а священный текст.

«... принимая во внимание активное содействие раскрытию преступления... чистосердечное раскаяние... положительную характеристику...»

Фразы текли, как отработанные мантры. Он не чувствовал себя подлецом. Он чувствовал себя **хирургом**, ампутирующим гангренозную конечность, чтобы спасти организм. Организм Системы. Следователь получал условный срок и увольнение. Дело спускалось на тормозах. Картель вздыхал с облегчением. А бархатный голос на том конце провода произносил: «Спасибо, Павел Сергеевич. Мы это ценим».

Совесь? Она была давно и тщательно **институционализована**. У неё были свои аргументы:

«Если не я, то другой судья всё равно это сделает. Но я сделаю это профессионально, без лишнего шума, минимизируя ущерб для репутации суда».

«Я спасаю карьеру десятков честных сотрудников, которые могли бы пострадать из-за разборок этого дела».

«Закон – это не догма. Это живой инструмент. И иногда его нужно применять... гибко, для высших целей сохранения порядка».

Он верил в это. Почти.

Но вечером, оставаясь один в своём кабинете при выключенном свете, он подходил к окну. Город сверкал внизу огнями, жил своей жизнью. И в стекле, поверх этого сияния, он видел своё отражение – в мантии, которую уже снял. Отражение было бледным и чужим.

Где-то в глубине, под толстым слоем ледяной рационализации, шевелилось что-то неуютное. Ощущение, что **настоящие Весы** – не эти позолоченные сувениры. Что они существуют где-то вовне, в некоем метафизическом пространстве, куда не долетают шепоты по закрытой связи и не проникает власть бархатных голосов. И на тех Весах всё взвешивается иначе. Туда кладут не статьи УК и не долги «системе». Туда кладут **последствия**.

Разбитую жизнь подростка, севшего за мелкий сбыт наркотиков, в то время как организатор, спасённый его, Колтовского, решением, продолжает торговать смертью.

Слёзы матерей, которые не понимают, почему убийцы их детей выходят на свободу по «формальным» основаниям.

Тухлое, проникающее во всё недоверие людей к самой идее Судьи. К мантии. К Фемиде.

Это был моральный сепсис. Заражение, которое начиналось с мелкой, почти невидимой язвочки – с первого «правильного» решения в пользу «своего» – и постепенно разъедало душу, превращая её в безжизненный, функциональный орган по производству оправдательных приговоров для самих себя.

И Павел Сергеевич, глядя в тёмное окно, вдруг с абсолютной, леденящей ясностью понимал: **правосудие – это не услуга и не инструмент баланса**.

Правосудие – это закон всемирного тяготения для человеческих поступков.

И он действует неотвратимо. Не в виде немедленной кары. Не в форме внезапного ареста (хотя и это возможно). Оно действует тише и страшнее.

Оно приходит:

Внутренним Судом. В ту самую глухую ночь, когда уже не спасают ни оправдания, ни деньги, ни власть. Когда остаёшься наедине с призраками всех, кому ты вынес несправедный приговор. И их безмолвный взгляд горит в темноте ярче любого прожектора.

Судом Истории. Когда твоё имя, некогда звучное и весомое, в будущих учебниках права будет упомянуто в ряду примеров системного кризиса, как клеймо позора на целой эпохе.

Судом Будущего. Когда твои собственные дети или внуки, с недоумением и презрением изучая архивные дела, зададут вопрос: «Дедушка, как ты мог?» – и не будет ответа, который их удовлетворил бы.

Судом Хаоса, который они же и выращивали. В мире, где закон стал фикцией, в конечном итоге не защищён никто. Никогда нельзя быть уверенным, что волна произвола, которую ты когда-то легитимизировал своим решением, не захлестнёт однажды твой собственный, такой ухоженный и защищённый, берег.

Он отвёл взгляд от окна. Позолоченные весы на шкафу тонули в темноте, теряя свои очертания. Было похоже, что чаши их наконец-то пришли в движение от невидимого дунове-

ния. И колебались они уже не в горизонтальной плоскости, а в вертикальной, будто превращаясь в маятник.

Тикающий маятник, отсчитывающий время до того часа, когда баланс иллюзий рухнет, и каждому придётся держать ответ на тех самых, **незримых весах**, где гирями будут не деньги и связи, а всё, что он отнял у других: чужие жизни, чужие надежды, чужая вера в справедливость.

И равновесие там восстановится. Обязательно. Цена ему известна с древних времён: **мера за меру**. И судьёй на этом последнем заседании будет он сам. Его собственная, наконец-то проснувшаяся и беспристрастная, совесть. А приговор будет окончательным и обжалованию не подлежащим.

«Бумеранг» или «Чужие дети»

Они встретились на рассвете, когда город спал, а небо было цвета сиреневого перламутра. Он привел ее на пустой берег озера, где когда-то, десять лет назад, делал предложение Анне. «Здесь начинается новая жизнь», – подумал Максим, целуя в губы эту девчонку, Юлю, которая смеялась так звонко и называла его «папиком». Он чувствовал себя богом. Он сбежал из дома под предлогом срочного вылета в филиал. На самом деле он вел ее в только что купленную, еще пахнущую краской однокомнатную квартиру в новом микрорайоне, где не знали ни его, ни его семьи. Он дарил ей шкатулку, внутри которой блестело золотое кольцо. «Это слишком!» – ахнула она, но глаза ее горели именно тем холодным, алчным огоньком, который он принял за восторг. Он не видел, как в это самое время его сын, Кирилл, четырнадцатилетний, долговязый, сидел на холодном полу подъезда их добротной трехкомнатной квартиры. Кирилл ждал. Он забыл ключ, а мама, Анна, была на ночной смене в больнице, где работала медсестрой. Телефон отца не отвечал. Сначала Кирилл злился, потом стало страшно, потом холодно и обидно. Он слышал, как соседи заходят и выходят, как кто-то смеется за дверью. Он прижал лоб к коленям и представил, как отец, важный и деловой, решает какие-то мировые проблемы. Он так хотел гордиться им. В пять утра, когда Максим, пахнущий чужими духами и вином, наконец вышел из лифта, он чуть не споткнулся о свернувшегося калачиком сына. «Ты что тут делаешь?» – раздраженно буркнул он, копаясь в карманах. Раздражение – вот все, что осталось от нежности после ночи с Юлей. Кирилл ничего не ответил. Он прошел в свою комнату, захлопнул дверь и бился головой о стену, тихо, чтобы не услышали, пытаясь заглушить эту вселенскую, леденящую пустоту внутри. А в соседней комнате его младшая сестра, двенадцатилетняя Лера, всю ночь слушала в наушниках депрессивную музыку, листая в телефоне фотографии «идеальных семей» из блогов, где отцы обнимали дочек. У нее болел живот от голода, но она не пошла на кухню – там было пусто и страшно.

Анна вернулась утром, седой от усталости. На столе лежала пачка денег и записка: «За продуктами. Задерживаюсь». Она посмотрела на эти купюры, будто на паутину, в которой запуталась вся ее жизнь. Она купила детям дорогих пельменей и импортных фруктов. Лера молча отодвинула тарелку. Кирилл съел, не поднимая головы. «Как в школе?» – спросила Анна голосом, в котором дрожала виноватая нота. «Нормально», – буркнул Кирилл. Он не сказал, что его второй день вызывают «на разговор» старшеклассники, требуя денег. Он не хотел быть проблемой. Он уже понял – проблемы здесь не любят.

Тем временем Максим и Юля летели в Сочи. Он соврал о внезапной конференции. Он купался в ее восхищенных взглядах, в ее хихиканье, когда она на пляже гладила его поседевшие волосы: «Ах, мой папик». Он звонил домой из аэропорта: «Все в порядке, родные? Кирилл, как дела с проектом?» Проект. Кирилл две недели назад просил помочь с чертежом для школы. Максим тогда сказал: «Позже, сын, дел по горло». Позже так и не наступило. «Все ок», – сказал Кирилл в трубку плоским голосом и бросил недоделанный чертеж в урну. В тот же вечер он пошел в заброшенный гаражный кооператив «Заря», где тусовалась местная шпана. Его принял Димон, двадцатилетний детдомовец с глазами цвета мокрого асфальта. У

Димона была татуировка «Забыт отцом, предан матерью» на шее. Он посмотрел на Кирилла, этого чистенького, с новым телефоном, и усмехнулся: «Чего припёрся, пай-мальчик? Родители недолюбливают?» Кирилл молча кивнул. «Здесь, братан, свои законы. Хочешь быть своим – покажи, что не пустое место». Первым заданием была кража бутылок из ларька. Сердце Кирилла колотилось, его тошнило от страха. Но когда он принес Диму три бутылки дешевого вискаря, тот похлопал его по плечу. И это похлопывание, грубое и мужское, согрело его изнутри сильнее, чем все отцовские деньги.

Лера тем временем утонула в сети. В чате для таких же одиноких она нашла «Алекса». Ему было «чуть за двадцать», он писал стихи, слушал ту же музыку, называл ее «моя лунная девочка». Он просил фотографии. Сначала смешные, потом... «Если ты мне доверяешь...». Она доверяла. Ей было двенадцать, и за ее спиной не было никого, кто бы сказал: «Детка, стоп. Это опасно». Однажды, когда Анна опять заснула, не дождавшись мужа, а Максим был на уик-энде с Юлей на горнолыжном курорте, Алекс написал: «Надоело переписываться. Встречаемся? Я рядом, проездом». И прислал фото: симпатичный парень у зеркала в спортзале. Сердце Леры застучало в унисон с одиночеством. Она надела свое лучшее платье, накрасилась маминой помадой и выскользнула из дома. Встреча была у старой котельной. Там ждал не Алекс с фото. Там ждал мужчина лет сорока, жирный, с запахом перегара и пота. «Ну что, лунная девочка, идем, погреемся?» – хрипло сказал он, хватая ее за руку. Мир для Леры рухнул в одно мгновение. Она вырвалась, побежала, спотыкаясь о шлак, слыша за спиной хриплый смех. Домой она приползла, как раненый зверек. Она отмывалась в душе час, два, стирая с кожи это ощущение гадливости и свой же страх. Наутро в школе ее вызвала к себе психолог. Кто-то видел. Лера, глядя в пол, пробормотала: «Все нормально, просто гуляла». Психолог, заваленная бумагами на триста таких же «нормальных» детей, вздохнула и поставила галочку: «Кризис идентичности. Рекомендована беседа с родителями». Бумажка с рекомендацией легла в дневник, который Максим не проверял года три, а Анна, разбирая портфель, приняла за рекламу курсов и выбросила.

Тем временем Юля захотела большего. Не просто квартиры, а студии для своего «бренда одежды». Максим, опьяненный ее молодостью, продал акции, оставленные им детям его же покойными родителями. «Папик, ты мой гений!» – визжала она, вешая ему на шею руки. В этот вечер у Кирилла была первая серьезная «работа». Димона попросили «надавить» на владельца ларька, который не платил за «крышу». Кирилл должен был просто постоять с видом крутого. Но владелец, старый ветеран, вышел с монтировкой. Димон свистнул. И Кирилл, забыв все, кроме желания быть своим, не подвести, бросился первым. Удар был неловким, кулак соскользнул, ветерок упал, хрустнув носом. Кровь. Много крови. Крик. Бегство. В кармане у Кирилла зазвонил телефон. Максим. Кирилл, задыхаясь, нажал «отбой». Отец звонил из ресторана, где праздновал с Юлей подписание договора аренды. «Наверное, спит, – пожал плечами Максим, заказывая шампанское. – Перезвоню завтра».

Завтра наступило страшным звонком Анне из полиции. Кирилла задержали за причинение тяжких телесных. Ветерана увезли в реанимацию. Мир для Анны сузился до точки. Она звонила Максиму. Тот, бледный, примчался, пахнувший дорогим парфюмом, который был не его. Его первая фраза в участке была: «Сколько нужно, чтобы замять?» Следователь, уставший мужчина с детскими кругами под глазами, посмотрел на него с таким презрением, что Максим отступил на шаг. Кирилла, в грязной кофте, с синяком под глазом, вывели для опознания. Он посмотрел на отца не как на сына, а как на чужака. Пусто. «Папа, – вдруг сказал он тихо, – а ты помнишь, как обещал научить меня рыбачить?» Максим открыл рот, но звук не выходил. Он не помнил. Он не помнил многих обещаний. Лера, которую привезла с собой Анна, сжалась в комок и прошептала: «Я его ненавижу». Не ясно, кого – брата, отца или весь мир.

Ветерану стало хуже. Умер в больнице от осложнения. Дело переквалифицировали. Кириллу светило уже не колония для несовершеннолетних, а настоящая тюрьма. Суд был быст-

рым и публичным. В зале сидели Анна, состарившаяся на двадцать лет, и Максим, пытавшийся поймать взгляд сына. Кирилл смотрел в стену. Юлия на суд не пришла. Она писала Максиму: «Папик, это слишком тяжело для меня, мне нужен перерыв». «Перерыв» обернулся блокировкой его номера и вывозом из студии всей техники. Максим остался один. Совершенно один. В пустой квартире любовницы валялся только клочок бумаги: «Спасибо за все. Ты был лучшим папиком. Но мне нужен тот, кто будет рядом всегда». Ирония была смертельной.

Но главная трагедия была еще впереди. Пока шли суды, Лера оставалась одна. Анна металась между работой, адвокатами и поездками в СИЗО к сыну. Максим пытался влезть в ее жизнь, но он был для них обоих чужой, пропитанный запахом предательства. Однажды Лера не вышла из своей комнаты весь день. Анна, вернувшись поздно, вломилась в дверь. Девочка лежала на кровати в неестественной позе, рядом – пустые блистеры от каких-то таблеток, выкопанных из глубины аптечки. Скорая, реанимация, промывание. Врачи вытащили ее с того света. «Почему?!» – рыдала Анна над белым лицом дочери. Лера, придя в себя, посмотрела на мать стеклянными глазами и сказала шепотом, от которого застыла кровь: «Мне было интересно, заметит ли кто-нибудь, если меня не станет. Ты заметила. Папа – нет».

Это был последний гвоздь. Максим, стоя у больничной палаты и глядя на иссохшую у больничной койке дочь, наконец УВИДЕЛ. Он увидел не проблему, не обузу, не вину. Он увидел своего ребенка, сломанную жизнь, которую он сломал своими руками, лаская чужую молодую спину. Он опустился на колени прямо в больничном коридоре и завыл. Тихим, безумным, животным воем потерявшего все самца. Его выгнали. Он пошел в свой большой, чистый, мертвый дом. Он зашел в комнату Леры. На столе лежал дневник. На последней странице, датированной днем ее попытки, было написано: «Папа сегодня опять обещал прийти. Он купил мне слона. Плюшевого. Мне тринадцать лет. Он думает, мне пять. Он любит ту, у которой, наверное, тоже есть папа. Интересно, он тоже ее забывает? Я хочу, чтобы меня забыли все. Навсегда».

А Кирилл в это время ехал в этапном вагоне в колонию для несовершеннолетних строгого режима. Его сосед по нарам, тощий паренек с выколотыми звездами на висках, спросил: «За что?» Кирилл, глядя в решетку на мелькающие огоньки чужих городов, ответил: «За то, что хотел, чтобы папа заметил». Паренек хмыкнул: «Брат, да наши отцы нас уже и не вспомнят. Мы здесь – уже призраки». И это была правда.

Эпилог писался кровью. Лера выписалась из больницы, но часть ее осталась там. Она молчала неделями. Анна уволилась, посвятила себя дочери, но мост между ними был сожжен, и строить новый приходилось на пепле. Максим продал все, что мог, пытался отдать деньги семье. Анна брала молча – на лечение, на адвокатов. Его присутствия она не принимала. Он стал призраком, бродящим вокруг своего бывшего счастья.

Однажды он поехал на свидание к Кириллу. Его провели в длинный зал с гулким эхом. Кирилл вышел другим. Из мальчика вырос сутулый, острый, как гвоздь, юноша с глазами старика. Они сидели, разделенные толстым стеклом. Максим, задыхаясь, говорил о том, что нашел нового адвоката, что будет подавать апелляцию, что он... что он любит его. Кирилл долго молчал, потом поднес трубку к губам. «Знаешь, папа, – сказал он тихо, беззлобно, и от этого было в тысячу раз страшнее, – здесь есть парень. Его отца убили на зоне. Он говорит, что это справедливо. Кто-то должен отвечать. Ты ответил?» Максим не нашел слов. Он видел, как в глазах сына гаснет последняя искра – искра надежды на то, что отец поймет. Свидание закончилось. Кирилл встал и ушел, не оглянувшись. На проходной охранник, выдавший виды мужик, глянул на поседевшего, сломанного мужчину и бросил, закуривая: «Своих привел? Ну, бывает. Теперь их здесь воспитываем. Следующий!»

Максим вышел на промозглую, осеннюю улицу провинциального городка, где когда-то мечтал о красивой жизни. Он сел в свою дорогую, теперь ненужную никому машину и бился головой о руль, пока не приехала скорая. Инфаркт. Не смертельный. Просто предупреждение.

Лежа в больничной палате, в той самой, где когда-то работала Анна, он смотрел в потолок. Ему казалось, что он слышит детский смех. Свой, их общий, десять лет назад. Он протянул руку к пустоте. И заплакал. Но слез уже не было. Только сухая, разрывающая грудь судорога. Бумеранг вернулся. Попал точно в сердце. И жизнь, полная трагизма, которую он уготовил детям, стала его собственной жизнью. Навсегда.

А где-то в другом городе Юля, проверяя тест с двумя полосками, в ужасе уронила его в раковину. Цикл замыкался. Готова ли она стать матерью? Или новой Анной? История не заканчивается. Она только делает круг, чтобы начаться снова. Для кого-то другого.

Жизнь после точки – не жизнь, а медленное растворение в собственной ядовитой памяти. Больница выплюнула Максима, как неусвоенный организмом яд. Он вернулся в квартиру, где теперь гуляли сквозняки и призраки. Детский смех, который ему мерещился, сменился тиканьем батареек в брошенных игрушках. Он начал пить. Не для удовольствия, а для тушения внутреннего пожара, который пожирал его изнутри. Дорогой коньяк лился в него, как бензин в горящий дом.

Анна с Лерой жили теперь в съемной однушке на окраине. Денег от продажи их прежней квартиры уходило на адвокатов, психологов для дочери и дорогие передачи сыну. Лера говорила мало. Ее терапией стал карандаш и бумага. Она рисовала чудовищ. Не сказочных, а бытовых: огромного мужчину с пустым лицом и кошельком вместо сердца, девочку, падающую в колодезь из телефонов, мальчика в клетке, которую держит та же рука с кошельком. Психолог смотрела на эти рисунки и тихо просила Бога о душевной силе. Анна устроилась на две работы: днем кассиром в гипермаркете, ночью – уборщицей в офисе. Ее любовь к детям превратилась в железную, обезболивающую функцию: накормить, одеть, отвезти к врачу, отправить передачу. Чувства были слишком роскошны, на них не оставалось сил.

Кирилл в колонии «Восход» проходил свои университеты. Его не били – битье было для мелких. С ним работали психологически. Старшие «авторитеты», такие же забытые дети, но уже с криминальным стажем, видели в нем «сынка» – презирали за мягкость начала, но приглядывались из-за ума. Один из них, по кличке Философ (бывший студент истфака, посаженный за разбой), как-то сказал ему в накуренной камере: «Ты, Кирюха, не от мира сего. Ты сюда из обиды пришел. Это самое страшное. Обиженный либо сломается полностью, либо станет опаснее любого отморозка. Потому что ему уже нечего терять. У тебя потеряно?» Кирилл молчал. Он думал о сестре. Это была его единственная оставшаяся связь с миром «оттуда», и она была тонка, как паутина.

И вот в этот момент Максим, в пьяном угаре раскаяния и отчаяния, совершил новую роковую ошибку. Он узнал, что главный свидетель по делу Кирилла, тот самый Димон, которого так и не нашли, якобы объявился в соседнем городе. Максиму в голову пришла безумная идея, осенившая его, как божественное откровение: он найдет Димона, заставит его дать другие показания, снять с Кирилла часть вины. Он видел в этом шанс на искупление. Это был порыв, лишенный всякой связи с реальностью, но им движимый.

Он поехал. Нашел в том городе сомнительные места, оставил там крупную сумму денег как «залог доверия». Ему дали наводку: Димон скрывается на заброшенной даче за городом. Алкоголь и вина сделали его слепым и глухим к опасности. Он поехал один, без полиции, с только что снятой в долг пачкой денег в кармане – выкуп за «молчание» свидетеля.

Там, в полуразрушенном доме с выбитыми стеклами, его ждали. Но не Димон. Его ждали два молодых парня, голодных, злых, таких же потерянных, как когда-то Кирилл. Кто-то сверху дал команду «развести лоха». Они увидели перед собой не мужчину, а функцию: дорогая одежда, толстый кошелек, запах дорогого алкоголя и страха. «Ты отец того пацана, что сидит?» – спросил один, вертя в руках монтировку. Максим, пытаясь сохранить достоинство, кивнул, достал деньги: «Я хочу поговорить с Димоном. Это вам за...». Он не успел договорить. Удар монтировкой по коленной чашечке хрустнул, как сломанная ветка. Боль, белая и абсолютная,

пронзила его. Он упал. Деньги высыпались на грязный пол. «Папик приехал, – усмехнулся второй, собирая купюры. – Димон тебе передал, что он тут ни при чем. А еще передал, что твой сын – тварь, которая подвела всех. И что таким, как ты, надо гореть в аду. Но мы милосердные».

Его не убили. Его избili так, чтобы запомнил. Сломали ребра, выбили зубы, разбили ему лицо в кровавое месиво. И оставили лежать в холодном доме, прихватив телефон, часы, все. Он пролежал там почти сутки, приходя в сознание и погружаясь в бред. Он видел лица детей: маленького Кирилла на качелях, который кричал: «Папа, посмотри!»; Леру, закутанную в плед, читающую книжку. Он звал их, хрипел, плакал. Но спасла его не память, а слепая удача: дачный участок приглянулся бомжам для ночевки. Они нашли его и, обобрав до нитки, все же вызвали «скорую».

Новое отделение реанимации. Новые операции. Анне позвонили из больницы как из «ближайшим родственникам». Она приехала, увидела бесформенное тело, опутанное трубками, и не почувствовала ничего. Пустоту. Медсестра, сочувствуя, сказала: «Мужчинка ваш, видать, в опасные дела ввязался». Анна кивнула: «Да. В самые опасные. В семью». Она оформила ему квоту на лечение и ушла. Навещать не стала.

Пока Максим боролся за жизнь в палате интенсивной терапии, Лера получила письмо от брата. Оно было коротким, написанным корявым почерком на тетрадном листе:

«Лерка. Держись там. Я все знаю про тебя (мама писала). Не делай больше так. Если уйдешь ты, мне здесь вообще незачем держаться. Я, может, и монстр теперь, но твой брат. Вы с мамой – мой берег. Пусть он и далеко. Папу... забудь. Он сам себя забыл. Крепче обнимаю, чем могу».

Лера впервые за месяцы разрыдалась. Не тихо, а громко, навзрыд, прижимая листок к груди. Это были слезы не только боли, но и странного, хрупкого облегчения. Она не одна. Ее бросил один, но предал не мир целиком. Она пошла в свою комнату, разорвала все рисунки с чудовищами. И нарисовала новый: два острова в бушующем море. На одном – она и мама. На другом, далеком и скалистом, силуэт брата. Между ними – тонкий, почти невидимый мост из света.

А в это время в колонию «Восход» привезли нового. Молодого, испуганного, с хищным блеском в глазах. Его звали Степан. На первой же проверке он, ища защиты, шепнул Кириллу, узнав его фамилию: «Слышал, тебя отец искал. Он же того... Димона хотел купить. Мне братан говорил. Говорил, ваш папаня – конченный лох, лег на деньги, как ребенок». Кирилл слушал, и камень на душе становился тяжелее и чернее. Его отец не просто был слаб. Он был жалок. И эта жалость была последним гвоздем в крышку гроба любых чувств. Но в тишине ночи, лежа на жесткой койке, Кирилл вдруг подумал: а что, если это не жалость? Что, если это была отчаянная, кривая, уродливая, но попытка? Попытка что-то исправить? Мысль была такой чужеродной и болезненной, что он отогнал ее, как дурной сон.

Через месяц Максима выписали. Он вышел на улицу калекой – с тростью, с перекошенным от шрамов лицом, с пустотой в карманах и в душе. Квартиру пришлось продать за долги. Он снял комнату в самом дешевом районе. Его мир сузился до четырех стен, бутылки и телевизора с вечными сериалами, где семьи были целыми, а проблемы решались за час. Он стал тем, кого брезгливо обходят стороной. Однажды в магазине у дома он увидел Анну. Она стояла в очереди, покупая хлеб и молоко. Она выглядела уставшей, но... цельной. У нее была цель. У него ее не было. Он хотел подойти, но его взгляд упал на отражение в витрине: избитый, немый старик в помятой одежде. Это был он. Он отвернулся и ушел, кусая губы до крови, чтобы не закричать.

И в этот самый вечер, в его комнату, пропахшую плесенью и отчаянием, постучали. На пороге стояла Юля. Не прежняя сияющая кукла, а испуганная, бледная женщина с огромным, уже заметным животом. Она смотрела на него широкими глазами, в которых читался ужас.

«Максим... – ее голос дрожал. – Он ушел. Тот, следующий. Узнал про ребенка и сбежал. У меня... никого нет. Я не знала, куда идти».

Максим смотрел на нее, на этот живот, в котором копилась новая жизнь. И вдруг его охватил приступ такого леденящего, беззвучного смеха, от которого содрогнулись стены. Бумеранг сделал полный круг. Он принес ему на порог его же грех, упакованный в новую, хрупкую оболочку. И теперь выбор был за ним. Выгнать? Принять? Простить?

Он молча отступил, пропуская ее внутрь. Дверь закрылась. В комнате стало тесно от призраков троих детей и одного, еще не рожденного. История не заканчивалась. Она нависала, как грозовая туча, готовясь обрушиться новым ливнем на уже промокших до костей людей. И где-то вдалеке, за колючей проволокой, его сын, Кирилл, ворочался на своей койке, чувствуя во сне, как где-то рушится еще одна стена, отделяющая прошлое от будущего. Будущего, которое они все теперь должны были прожить.

Номер комнаты в гостинице «Поларис» был больше их новой жизни. Юля ступила на стоптанный ковер с таким видом, будто переступала через край пропасти. Ее живот, круглый и плотный, казался здесь единственным живым, настоящим предметом. Все остальное – затхлый воздух, потрескавшаяся плитка в углу душевой, желтые пятна на потолке – было декорациями к ее личному краху.

Максим молча поставил на стол бутылку дешевого портвейна и пачку пельменей. Он не смотрел на нее. Смотрел на свои руки – трясущиеся, исчерченные синими прожилками вен, которые когда-то уверенно лежали на руле новенькой иномарки и на молодой коже ее спины. Теперь эти руки были инструментом для переноски пустоты.

«Спасибо, папик», – прошептала она автоматически, и тут же сжалась, будто сама себя ударила по лицу. Слово повисло в воздухе ядовитым, неуместным воспоминанием.

«Не называй меня так», – хрипло сказал он, открывая окно. Ворвался запах с заводской окраины – сладковато-едкий, как гниль. – «Здесь нет папиков. Здесь есть калека и...» Он не нашел слова. Беременная девушка? Соучастница? Живой укор?

Она села на краешек кровати, положив руки на живот. Ее «следующий», красавчик-бармен с накачанными бицепсами, исчез, оставив смс: «Не готов к такому, сору». Мир Юли, который она выстраивала как красивый инстаграм-аккаунт, рассыпался в прах. За спиной – провинциальные родители, которым она врала о блестящей карьере в столице. Впереди – ничего. И тогда, в панике, она вспомнила про «папика». Последнюю соломинку. Она приехала не за любовью, а за крышей. За его вечными, глупыми угрызениями совести, которые можно было бы монетизировать.

Первые дни прошли в тягостном молчании. Он пил. Она плакала. Ребенок пинался. Однажды ночью он проснулся от ее всхлипов. Не выдержал. Принес стакан воды.

«Что с тобой?» – спросил он, и в голосе прорвалась та самая, изъеденная молью, заботливость.

«Мне страшно, – выдохнула она, и это была правда. – Я ничего не умею. Я думала..., я думала, ты...»

«Я что? Построю тебе новый мир? – Он горько усмехнулся. – Я свой собственный разрушил до основания. Из обломков не построить даже сарая, Юль. Только убежище для крыс».

Но человек ко всему привыкает. Даже к аду. Он перестал пить каждый день. Нашел работу – сторожем на той самой заброшенной даче, где его изувечили. Ирония судьбы была зловещей и точной. Он бродил среди развалин, прислушиваясь к скрипу деревьев, и ему казалось, что здесь, в темноте, бродят призраки его прежнего «я» – самоуверенного, слепого, счастливого. Теперь он сторожил собственное прошлое.

Юля, оставшись одна, копала интернет в поисках хоть какой-то работы на дому. Нашла – оформление соцсетей для мелких предпринимателей. Клиенты скупались, последний срок горели, а ребенок внутри нее требовал покоя. Она начала понимать, что такое настоящая усталость – не от тусовок, а от безысходного напряжения каждой клетки. Иногда, глядя на сгорбленную спину Максима, она ловила себя на мысли: «А ведь он сейчас пытается. Как может». И эта мысль была странной и неприятной. Ей было удобнее думать о нем как о монстре. Так проще было оправдать собственное падение.

Тем временем в колонии «Восход» Кирилл столкнулся с выбором. Философ, тот самый, что говорил с ним об обиде, подошел однажды после отбоя.

«Кирюха, тут ко мне обратились. Есть дельце. Не опасное, но... нелегальное. Нужен человек с мозгами, не с кулаками. Ты в школе с компьютерами дружил?»

Дело было в создании фейковых страниц для фишинга – выманивания данных у лоховатых граждан. Кирилл в ужасе отшатнулся. Еще одно преступление? Нет. Он и так на дне.

«Подумай, – тихо сказал Философ. – Ты не за себя думай. Ты за сестру свою. За мать. Им ведь тоже не сладко. А тут – процент. Деньги. Не большие, но чистые для них. Ты же не себе хочешь?»

И это было дьявольски тонко. Ударило в самое сердце его вины. Он думал о Лере, которая молчала в письмах все чаще. О матери, которая, как он знал, убивается на двух работах. Его принципы, его страх перед новой статьёй столкнулись с любовью. И любовь, изуродованная обстоятельствами, повела его на скользкий путь. Он кивнул. «Я попробую».

Лера в это время делала первые шаги из своей раковины. В школе новый психолог, молодая и не уставшая еще женщина, предложила ей арт-терапию не как лечение, а как диалог. Лера начала лепить из глины. Сначала это были те же чудовища. Потом – просто руки. Руки, тянущиеся друг к другу, но не достающие. Руки, закрывающие лицо. Рука, держащая тонкий мост. На одно из занятий, по настоятельной просьбе психолога, пришла Анна. Она смотрела, как пальцы дочери, испачканные в глине, лепят что-то хрупкое и прекрасное, и вдруг заплакала. Не тихо, а громко, сдавленно. Лера остановилась, испуганно посмотрела на мать, потом медленно, неловко обняла ее. Они сидели так, покрытые серой глиной и слезами, и это был их первый, настоящий контакт за долгие месяцы. Анна прошептала: «Прости меня. Я была там, но я не видела тебя». Лера прижалась к ее плечу: «Я тоже».

Но мир, особенно мир, построенный на пепле, редко дает долгие передышки. Через адвоката Кирилла пришло известие: появился шанс на условно-досрочное. Но нужны были положительные характеристики, нужны были доказательства его «исправления» и... деньги. На новый, хорошего адвоката. Сумма была для Анны астрономической.

Анна, в отчаянии, решила на отчаянный шаг. Она пришла в ту самую гостиницу «Полярис». Ей сказали номер. Она постучала. Дверь открыла Юля, в растянутой домашней кофте, с огромным животом. Две женщины замерли, измеряя друг друга взглядами, в которых было слишком много боли, вины и усталости для ненависти.

«Мне к Максиму», – сухо сказала Анна.

Максим, услышав голос, вышел из-за перегородки и остолбенел. Картина была сюрреалистичной: его бывшая жена и его бывшая любовница, несущая его, возможно, будущего ребенка, в одной комнате.

«Аня...» – начал он.

«Деньги, – перебила она, не глядя на Юлю. – Кириллу шанс на УДО. Нужен адвокат. Большая сумма. У тебя есть что-то? Хоть что-то?»

Максим опустил голову. Все, что у него было – это жалкая зарплата сторожа, уходившая на еду и эту конуру. Он был банкротом не только финансовым, но и моральным.

«Я... я попробую найти», – пробормотал он.

Юля, стоявшая молча, вдруг качнулась и села на стул. Лицо ее исказила гримаса. Она вцепилась в живот.

«Что с тобой?» – вырвалось у Анны, и в голосе прозвучал профессиональный, медсестринский холодок.

«Не знаю..., болит... схватки? Но рано еще...» – испуганно прошептала Юля.

Анна, стиснув зубы, автоматически оценила ситуацию. Бледность, испарина, панический взгляд. «Скорую. Сейчас же». Она бросила на Максима взгляд, в котором было презрение, но и приказ. Он, как марионетка, схватил телефон.

В больнице начался ад. Роды были тяжелыми, преждевременными. Юля кричала не от боли, а от страха. Анна, против своей воли, осталась. Она не могла уйти – в ней говорил и медик, и, как ни странно, женщина, понимающая цену материнства, любого. Максим метался по коридору, сжимая в руках образ бесполезного святого, купленный у бабки у метро. Он молился не Богу, а Вселенной: «Пощади. Хоть это. Хоть этого не забирай».

Ребенок родился. Мальчик. Крошечный, синюшный, с криком, похожим на писк раненого котенка. Его сразу забрали в реанимацию для недоношенных. Юлю, полуживую, откачали. Она пришла в себя и первым делом спросила: «Он жив?» Узнав, что да, отвернулась к стене и заплакала беззвучно, всем телом.

Анна вышла из палаты. Максим стоял у окна, глядя в ночную тьму.

«Она будет жить. Ребенок – борется», – сказала Анна.

Он кивал, не в силах вымолвить слова благодарности.

«Деньги на адвоката, Максим, – повторила она, и голос ее был уже беззвучно-жестоким. – Твой сын там гниет. А ты здесь нового произвел на свет. Не отделаешься святой водой и угрызениями. Или найдешь, или... или Кирилл никогда тебя не простит. И я – тоже».

Она ушла, оставив его наедине с выбором, который был хуже любого тупика.

На следующее утро, придя на работу на дачу, Максим нашел в своем сторожевом домике сверток. В нем лежала пачка денег и записка, написанная левой рукой: «Для парня. Чтобы молчал. И забыл. Забудь и ты». Это были деньги от тех, кто его избил. Отзвук того мира, в который он полез по глупости. Откуп. Кровные, в прямом смысле, деньги.

Он сидел и смотрел на эти купюры. Они пахли страхом, болью и грязью. Взять их? Отдать за свободу сына? Но свободен ли будет сын, выкуренный на такие деньги? Или это будет новый виток проклятия? А если не взять... то шанс у Кирилла рассыплется в прах.

Вечером он пришел в больницу. Юля спала. Он прошел в отделение, посмотрел через стекло на кровать, где под лампой лежал его сын, весь в трубках и датчиках. Такое хрупкое существо. Такая огромная ответственность. Он положил руку на холодное стекло.

«Прости, – прошептал он неизвестно кому: ребенку, Кириллу, Анне, самому себе. – Мне нечем платить за ошибки, кроме новых ошибок».

Он вышел из больницы, держа в кармане сверток с деньгами. Он шел по темным улицам к дому Анны, чтобы отдать этот страшный выкуп. Каждый шаг отдавался в его душе глухим стуком, как забойка сваи в топкое дно. Он понимал, что, возможно, закладывает фундамент не для освобождения, а для новой, еще более чудовищной тюрьмы – тюрьмы совести для них всех. Но иного пути у него не было. Бумеранг, вернувшись, не успокоился. Он разбил окно и теперь требовал, чтобы все жители дома порезались об осколки, собирая их. Начался новый акт трагедии. И занавес еще не думал падать.

Деньги лежали на кухонном столе Анны, как труп. Они не пахли, но казалось, что от них исходит запах ржавого железа и больничного антисептика. Анна смотрела на пачку, потом на Максима, стоящего на пороге ее бедной, но чистой кухни, как призрак. Он казался ниже ростом, согнутым под невидимым грузом.

«Откуда?» – один единственный вопрос, словно выстреленный, сквозь сжатые зубы.

Он молчал. Сказать «от тех, кто меня калечил» – значит признать, что его жертва, его попытка что-то сделать для Кирилла, была не благородным порывом, а жалкой авантюрой, за которую снова заплатили кровью. Его кровью. И теперь эта кровь должна была помочь сыну. Абсурдный, порочный круг.

«Это не важно, – прохрипел он. – Важно, что они есть. Бери. Отдай адвокату».

«Не важно? – Анна подошла ближе, глаза ее горели холодным синим пламенем. – Ты приносишь в мой дом, в дом, где я пытаюсь собрать нашу дочь по кусочкам, грязные деньги? Ты думаешь, я не почувю? Они смердят страхом и преступлением. Ими можно оплатить только один путь – вниз. Еще глубже, чем мы уже упали».

Она хотела швырнуть их ему в лицо. Но перед глазами стоял Кирилл – не тот, озлобленный мальчик с суда, а маленький, семилетний, в слишком большом жизнеспасательном жилете на лодке, испуганно цепляющийся за ее руку. Ей нужно было вытащить его. Любой ценой. Даже если эта цена – отравлена.

Ее рука дрогнула. Она медленно, будто против собственной воли, положила ладонь на пачку. Холодная, шершавая поверхность купюр. «Хорошо. Но это – последнее. Последняя грязь, которую ты приносишь в нашу жизнь. После этого – исчезни. Навсегда. Даже из мыслей. Ты стал проклятием, Максим. И проклятия нужно сжигать, а не лелеять».

Он кивнул, будто ждал именно этого. Его приговор был вынесен. Он развернулся и вышел, не сказав больше ни слова. На улице его вырвало у подъезда. Прямо на асфальт, скудной, горькой желчью. Очищения не произошло. Только опустошение.

Юля выписалась из больницы одна. С ребенком, которого назвала Святославом – «святая слава», имя-заклинание, оберег от всего дурного, что она сама же накликала. Слава был слаб, плохо брал грудь, много плакал. У Юли не было молока. Стоя ночами над кроватью, купленной вскладчину с Максимом на последние гроши, и разводя смесь, она ловила себя на странном чувстве: это не материнская нежность, а паническая ответственность, граничащая с отчаянием. Она смотрела на это крошечное существо и видела не сына, а гирию на ноге, которая тянет ее ко дну. А потом он хватал ее палец своей цыплячьей лапкой, и что-то в ней надрывалось, щелкало. Она плакала, прижимая его к себе, шепча: «Прости, прости, прости...». Она просила прощения у него, у той Анны, лица которой боялась теперь даже во сне, у себя прежней, глупой и алчной.

Максим, получивший отлучение, пытался помогать украдкой. Оставлял у двери сумки с памперсами, баночки с питанием. Юля принимала молча. Их общение свелось к коротким, деловым смс. «Деньги на столе». «Забрал». «Ребенок плачет, что делать?» – «Вызови врача». Он был для нее не «папиком», а таким же потерпевшим крушение, с которым их свел в одной шлюпке жестокий шторм. Иногда, глядя, как он неумело держит Славу, бормоча ему что-то невнятное, она думала: «А ведь он тоже впервые. Впервые по-настоящему. Для тех детей он не был отцом. Он был источником благ». И от этой мысли ей становилось еще страшнее.

Тем временем адвокат, подкупленный «кровавыми» деньгами, заработал. Ходатайство об УДО для Кирилла было принято к рассмотрению. В колонию приехала комиссия. Кирилл, наученный Философом, говорил правильные слова: «раскаиваюсь», «осознал», «мечтаю вернуться к мирной жизни, получить образование». Глаза его при этом были пусты, как отработанные шахты. Он уже несколько недель по ночам, укрывшись с головой одеялом, со старым планшетом, купленным у охраны за три передачи, копался в коде, создавая те самые фишинговые страницы. Деньги, первые крохи, он тайком перевел матери, оформив как «помощь от благотворительного фонда». Когда пришло смс о зачислении, Анна расплакалась. Она подумала, что в мире еще есть доброта. Кирилл же, узнав, что деньги дошли, почувствовал себя не героем, а окончательно опустившимся в трясины. Он купил свободу сестры и матери новой своей несвободой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.